

УДК 372.416.2

ББК 81.2р-920

БУКВАРЬ — КНИГА, ОЧЕЛОВЕЧАЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА

Маслов В.Г.

профессор, доктор филологических наук

Шуйский филиал

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

г. Шуя

vgmas@mail.ru

Аннотация. В статье речь идёт о том, что, видимо, так повелось, что языковеды участия в создании букварей не принимают. В букваристике, наверное, считают, что создание букваря — дело не хитрое, и приглашать языковедов не нужно. Однако в нашем небольшом материале, как выяснилось, участвовать в создании букваря языковедам необходимо.

Ключевые слова: азбука, алфавит, кирилловский алфавит, букварь, букваристика, книга, речь, слово, ученик.

THE BOOK – THE BOOR HUMANIZING THE MAN

Maslov V.G.

Professor, Doctor of Philology

Shuya branch

Ivanovo State University

Shuya

vgmas@mail.ru

Annotation. The article is about the fact that it so happened that linguists do not take part in the creation of primers. In the literary book, they probably think that creating a primer is not a tricky business, and there is no need to invite linguists.

However, in our small material, as it turned out, it is necessary for linguists to participate in the creation of the primer.

Keywords: alphabet, alphabet, Cyril alphabet, primer, primer, book, speech, word, student

Введение

Букварь, что это такое? Предполагаемый ответ: к н и г а . По форме — это, несомненно, книга. А по содержанию, если если выразиться словами М. В. Ломоносова, — «врата учёности»...

Надо полагать, что слово *букварь* образовано от слова *буква* + *арь*, как *словарь* от *слова* + *арь*. Суффикс *-арь-* обозначает предмет. Например: *словарь*, *букварь*. А в морфемном составе слова *библиотекарь* суффикс *-арь-* указывает на название лица по профессии. В итоге имеем: суффикс *-арь-* указывает на название лица по профессии — *библиотекарь* и обозначает предмет: *букварь* как *стол*, *чашка* и др. *Стол*, *чашка* воспринимать как предмет сомнений как будто не вызывает, а вот слово *букварь* как-то предметом не назовёшь...

В 1574 г. во Львове Иван Фёдоров напечатал первую известную нам восточнославянскую Азбуку. Это первая украинско-российская печатная учебная книга, изданная четыреста сорок шесть лет назад. Учебное пособие, созданное Иваном Фёдоровым, представляет собою книгу, составленную из пяти восьмилистных тетрадей, т. е. в ней 40 листов, или 80 страниц, на странице по 15 строк.

Иван Фёдоров положил в основу книги распространённый в то время буквослагательный метод, начинающийся с заучивания букв славянского алфавита и с усвоения двух- и трёхбуквенных слогов. Первая часть книги — азбука — включает также и материал по грамматике. На первой странице книги расположены 45 строчных букв кирилловского алфавита, затем приводится «впятое слово», так русские книжники называли позднее алфавит, данный в

обратном порядке. Далее знаки алфавита располагаются вразбивку 8-ью колонками. Это трёхкратное повторение азбуки имело целью более твёрдое усвоение обучающимися каждой буквы алфавита.

Иван Фёдоров предстаёт перед нами провозвестником гуманной педагогики: он защищает детей от произвола родителей и призывает воспитывать «в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе». Азбука Ивана Фёдорова открывает историю российских печатных книг для обучения письму и чтению. Вся жизнь печатника-просветителя была посвящена тому, чтобы, как он писал, «по свету рассеивать и всем раздавать духовную пищу» (Немировский, 1991; Немировский, 1985).

Первая книга в жизни каждого человека памятна так же, как первая любовь. Чаще всего — это *букварь*. И совсем не случайно ныне, когда учебник служит нескольким поколениям, букварь оставляют первоклашкам, сделавшим начальные шаги в освоении богатого опыта предшествующих поколений. Оставляют на память. Ну а первая азбука в жизни народа?!

И снова: *букварь* — предмет ли?

Результаты исследования

Чтобы сформировать знания, нужна программа. Когда программа создана, тогда можно приступать к написанию учебников, требования к которым всегда были следующими: научность, доступность, наглядность и т.д. В настоящее время трудно судить о программах: их много, всяких и разных, правда, иногда закрадывается сомнение, а есть ли вообще государственная программа, проникнутая заботой о будущем поколении и будущем государства, если судить о них через учебники.

Авторитетом в букваристике является К. Д. Ушинский. Он считал, что обучение должно быть посильным, доступным, нужно идти от простого к сложному, согласовывая содержание знаний и способов обучения с возможностями ученика. Мерилом усвоения знаний К. Д. Ушинский считал принцип прочности: иными словами, пока не усвоен материал, нельзя переходить к

изучению нового. "Золотое правило" дидактики, по Ушинскому, наглядность. Всё это было в советской школе. Однако у агентов влияния (Занкова Л. В., Эльконина Д. Б и др. их, видимо, теперь так можно называть) было иное задание: уничтожить всё это.

По мнению Занкова, преподавание должно вестись на высоком уровне трудности, чтобы ... отбить охоту учиться. Следующий постулат: надо идти вперёд быстрыми темпами, не задумываясь о том, что материал может быть неусвоенным, чтобы ... уменьшить количество успевающих. Следующее: никакой наглядности, ведущая роль — теории. Вместо четырёхлетнего образования в начальной школе — трёхлетнее, дробление единой школы на лицеи, гимназии и т. д. с той же целью, уменьшить количество разбирающихся, просто умных.

Небольшой экскурс в недалекое прошлое, чтобы нагляднее отразить, что было, что имеем.

Во-первых, букварь, изданный "Просвещением" в 1982 г. Авторы его — В. Г. Горецкий, В. Кирюшкин, А. Ф. Шанько. Утверждённый Министерством просвещения РСФСР, букварь пронизан идеями уважаемого в мире советского государства, у истоков которого стоял В. И. Ленин. Книга, естественно, начинается с В. И. Ленина, СССР. Используются произведения К. И. Чуковского, С. В. Михалкова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и др. Букварь начинается с доверительного обращения "Дорогой друг!".

Во-вторых, букварь Д. Б. Эльконина, изданный в 1993 г. издательством "Просвещение". Кому адресован, неизвестно. Если судить о том, что напечатан русскими буквами, то русским. Кем утверждён, неизвестно. Обложка вызывает раздражение цветовой гаммой и небрежностью изображения то ли феи, то ли учительницы. Рисунки на страницах букваря сознательно примитивны, небрежны.

Идеологического стержня учебника нет: Родина там, где небо синее, где трава зелёная, где, естественно, платят. В качестве иллюстративного материала использованы произведения Д. Хармса, Дж. Чиарди, Б. Заходера, Я. Тайво с

вкраплениями из произведений А. С. Пушкина. Л. Н. Толстого, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского.

И, в-третьих, букварь Н. М. Бетеньковой, В. Г. Горецкого, изданный в 1997 г. Министерством образования он не утверждён, а рекомендован к изданию Комитетом по образованию С-Петербурга. Книга сопровождается обращением губернатора В. А. Яковлева к ученикам словами: "Здравствуй, малыш!" Не кажется ли, подобное обращение обидным, унижительным: пришедшие в школу не дети, а ученики, коллеги. Школа — не детский сад.

Букварь, как нам представляется, "очищен" от идеологии, в нём нет идеологического стержня. Чему учить, на что ориентировать, куда звать подрастающее поколение — вопросы не праздные, хотя для современной "демократии" и демократов всё ясно. Нет идеологической направленности (рафинированные зомби, роботы) — легче манипулировать сознанием. Книга трудна. На наш взгляд, она ориентирована на родителей.

По порядку. На форзаце нарисованы города, а именно: звукоград, буквоград. Красочно. Но напрашивается вопрос: почему звук, который произносят, "сидит" в окне, в доме, а буквы? Удачна ли аналогия звукового, буквенного строя с городом? Нужно ли трудное, непонятное, которое предстоит познать, сравнивать с чем-то другим, ради кажущегося упрощения? Естественно, Закон аналогии существует, но нужно ли его здесь использовать, а тем более насаждать взрослому, и отвечает ли это развивающему обучению?

Объяснение В. В. Репкина, известного в букваристике представителя "развивающего обучения": *"Теперь, когда у детей есть представление о слове, когда они научились выделять его из потока речи, пора начинать работу над звуковым составом слова. Поочерёдно протягивая каждый звук в слове, дети получают возможность «поймать» звуки и поселить в заранее подготовленные учителем «домики». Необходимость найти для каждого «домика» своего «жильца» заставляет детей тщательно вслушиваться в звучащее слово. Так формируется фонематический слух — важнейшая предпосылка письма. Вместе с тем появляется звуковая модель слова, составленная из фишек-звуков,*

поселённых в «домики» (Репкин, 2001, с.27). Умение слышать звуки и фиксировать их в модели окончательно закрепляется, когда слово начинает предварительно делиться на слоги. Установив, что слово образуется благодаря гласным звукам («ртораскрывателям»), дети получают возможность строить слоگو-звуковую модель слова, отображая в ней последовательность гласных и согласных звуков (Репкин, 2001, с.31—35). Естественным завершением этого этапа работы является знакомство с ударением и умение выделять ударный слог в звучащем слове (Репкин, 2001, с.38—39)“.

Согласитесь, что такое открытие — совсем не то же самое, что заучивание знаменитого правила “ЖИ — ШИ пиши через И”.

Странным кажется объяснение: “... у детей есть представление о слове”. Действительно, что собой представляет слово в понимании автора? И почему пора “начинать работу над звуковым составом слова”? Если есть понимание учеником слова, то естественно предположить, что слово — это звуковой комплекс, оформленный по законам русского языка. Как объяснить, слово — это слово, а звуковой комплекс — это звуковой комплекс, наверное, сначала звуковой комплекс, а потом — слово: звуковой комплекс словом может не быть, вспомним “глокую куздру”.

Далее: “поочерёдно протягивая каждый звук в слове“. Удивительно, но коллега предпочитает терминологию стеклодувов, а не лингвистов: протягивают провод, расплавленное стекло, звуки же произносят. “Дети получают возможность «поймать» звуки и поселить в заранее подготовленные учителем «домики»”. “Модель слова, составленная из фишек-звуков, поселённых в «домики“. Оказывается, звук — это фишка. Такое слышать — верх фантазии.

”Обнаруженное несовпадение звукового и буквенного состава слова делает целесообразным введение еще одной формы записи слова, отражающей особенности его произношения (Репкин, 2001, с.142—143). Знакомство с простейшей транскрипцией не только помогает детям конкретнее понять соотношение между письмом и звучанием слова, но и даёт им важное средство для овладения нормами литературного произношения. Ну и, конечно же,

знакомство с транскрипцией сыграет важную роль, когда дети начнут изучать иностранные языки“. Значение транскрипции, как правило, связано с изучением иностранного языка. Ведь произношение и запись произнесённого — не одно и то же, следовательно транскрипция должна быть продемонстрирована в самом начале, на подступах.

“Слого-звуковую модель слова, отображая в ней последовательность гласных и согласных звуков”. Если произносим *аист*, *арбуз*, то да. Однако есть и другая последовательность: *стол*, *ком*, *парта* и др. О ней тоже надо говорить.

”Такое открытие — совсем не то же самое, что заучивание знаменитого правила “ЖИ — ШИ пиши через И”. Мы считаем, что не надо ничего заучивать, а просто надо объяснить, что когда-то в русском языке Ж, Ш произносились мягко: *ж’[и]знь*, *ш’[и]ло* и др. Произношение Ж, Ш на сегодняшний день твёрдое, а письмо сохраняет давнее, историческое, произношение.

Далее. Букварь Бетеньковой Н. М. , Горецкого В. Г. , страница третья. Напечатано безымянное стихотворение о речи. Надо полагать, это своего рода зачин, установка. Только об одном авторы забыли, а может быть, посчитали ненужным, что речь бывает немецкой, английской, и т. д. , а надо бы говорить о *русской* речи. На странице 4 напечатано крупно “Речь”, а что это? Для чего? У лингвиста сразу напрашивается продолжение: а язык? Без языка речи не бывает. Внизу страницы поговорка: “Тёплое слово в мороз согреет”. Как это соотносить: речь и слово? В лингвистике эти категории непростые. (Если то, что произносится, речь, то мы иногда много слов произносим, а иногда и одно, например, *садись! Тихо! Интересная книга*) . Видимо, об этом говорить рано. Но если речь заходит о лингвистических явлениях, то их надо квалифицированно, лингвистически объяснить.

На пятой странице отрывок из поэмы А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”. “У лукоморья дуб зелёный...” — начало и “Стоит без окон, без дверей” — окончание. Мы не утверждаем, однако создаётся впечатление, что, возможно, авторы не знают продолжения, а возможно, — это предписание: о русском, о русских — ни слова. А ведь так и хочется этот отрывок продолжить “Там царь

Кощей над златом чахнет,/ Там русский дух,/ Там Русью пахнет." Но увы!

Вверху шестой страницы напечатано: "Слово". Для чего? Вероятно, авторы хотят, чтобы ученики попытались дать определение слову? Не похоже. Правда, ниже напечатано слово "Предложение". И картинки. Интересная ситуация, а именно: ученики не знают, что собой представляет слово, предложение, но задание обязывает, надо представить слова, предложения, надо определиться, где слово, где предложение, так как предложение и слово — разные явления. Тогда, наверное, подать это надо иначе, а в конце дать доступное лингвистическое определение, что представляют собой слово, предложение. Хотя бы *слово* — это звуковой комплекс, построенный по законам фонетического строя русского языка (см. любой вузовский учебник). *Предложение* (хотя бы примитивно) - группа слов или отдельное слово, в которых заключено основное содержание. И научное: "Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли" (Виноградов, 1960, с.65). Надо с первых шагов, когда речь заходит о том или ином лингвистическом явлении, приобщать учеников к терминологии, определениям, в науке досужих вымыслов не должно быть.

На восьмой странице напечатано: "Звуки речи", и далее речь идёт о гласных и согласных, твёрдых/мягких, звонких/глухих, потом — слог, ударение. Как будто всё так. Однако представленный раздел "Звуки речи" и формулировки определения гласных и согласных не корректны. Звуковой состав русского языка, освоение звуков языка осуществляется через речь, речь и язык — разные уровни, их смешивать нельзя.

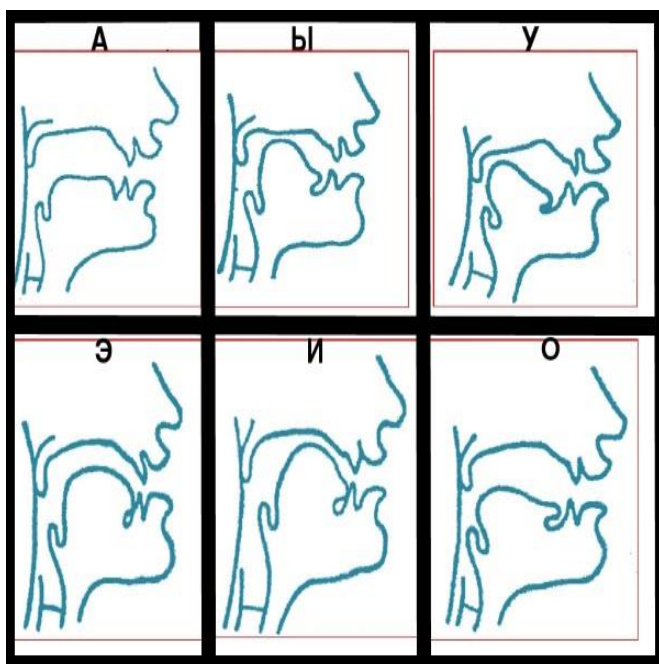
Вот как предлагают авторы букваря различать гласные и согласные звуки. Гласные предлагается обозначать кружочком, согласные — чёрточкой, т.е. неизвестное (гласные, согласные звуки) через неизвестное (кружочек, чёрточку). Хотя в транскрипции узаконено: "Г" — гласный звук (буква), "С" — согласный звук (буква). Это нагляднее, понятнее, научно и ближе к цели.

Согласные звуки звонкие — "треугольник", глухие — "перечёркнутый

треугольник", не есть ли это сознательная палка в колёса, а именно: кажущееся на первый взгляд упрощение, ведёт к усложнению, непониманию: причём здесь треугольник и звук?! Куда проще, звонкие согласные обозначать буквой "З" или "Зв.", глухие — буквой "Г" или "Глух."

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство: для каждого звука расписана работа органов артикуляции, в каком месте звук образуется и каким образом, иными словами, работают ли голосовые связки, как ведёт себя язык, нёбная занавеска и т. д., и всё это отражено в рисунке.

Лучше один раз увидеть! Но... Заметим, нигде ни слова об устройстве речевого аппарата. Парадокс: используется инструмент, а об его устройстве не сообщается. С другой стороны, язык — явление общественное, не биологическое, от природы никаких "органов речи" нет. Применение органов дыхания, приёма пищи, обоняния и т. д. для производства звуков речи — всецело заслуга человечества. Об этом надо знать с "пелёнок".

Вот это пособие «Артикуляция звуков в графическом изображении» Е. В. Новиковой, в котором показаны 45 схем, изображающих артикуляционный уклад, а именно: даётся характеристика фонемы, что упрощает овладение навыком звукового анализа, например: гласный звук [а]. Рот (ротовая полость) широко открыт, смотри

рисунок. Воздушная струя, образуя данный звук, идёт как бы из «глубины» свободно и т. д.

Обратим внимание на то, что ни в одном букваре не употребляется термин «фонема». Понятно, что это сложно, но, говоря о звуках, где-то, в каком-то контексте данный термин *произнести хотя бы* надо.

Необходимо сказать несколько слово о текстовых иллюстрациях. В большинстве своём они даны без знаков препинания. *"Я колобок, колобок!// По амбару метён,/ По сусечкам скребён..."* Есть слова "сусеки", "сусек", оценочность здесь не уместна, так как звукопись (со звуком [к]) употребление звука [ч] не допускает.

"Ку - ку, ко - ко, ни - ни, бай - бай ... Ты всех по голосу узнай!" Надо полагать, это предложения, а если так, то после каждого перечисления надо ставить точку или хотя бы точку с запятой, так как первые слова перечислений написаны с маленькой (строчной) буквы.

"Уж ты, котенька-коток,/ Котик — серенький лобок, / Ты приходи к нам ночевать..." После слова "лобок" надо поставить запятую, это обращение. Далее: *котенька-коток* пишется через "дефис" как приложение. Дело в том, что два имени существительных, стоящих в именительном падеже, выполняют разные функции, одно из них (последнее) является определением, поэтому грамматически это пишется так, а во втором случае "серенький лобок" выполняет функцию сказуемого (именная часть), поэтому здесь надо ставить знак "тире" вместо опущенного глагола "есть" в форме настоящего времени.

"Идёт коза рогатая,/ Идёт коза бодатая./ Ножками топ-топ,/ Глазками хлоп-хлоп". После слов "хлоп-хлоп" надо поставить двоеточие, потому что дальше идёт прямая речь. Строчка же *"Идёт коза бодатая"* явно неуместна. Например, в нашем оригинале вместо подобной строчки — строчка "За малыыми ребятами". Слово *бодатая*, на наш взгляд, просторечное. В новейшем "Русском орфографическом словаре" (2015 г.) такого слова нет.

"За морями,/ За горами,/ За железными столбами,/ На пригорке теремок,/ На дверях висит замок". После слова "столбами" запятая не нужна, здесь перечисление закончилось. По логике "не на дверях", а "на вратах" висит замок. Дверь предполагает вход в комнату, в дом. А терем за железными столбами, т.е. за оградой, а в ограде не двери, а ворота.

"Красота! Красота! Мы везём с собой кота". В нашем варианте вместо "Красота! Красота!" — "Тра-та-та! Тра-та-та!". Почему не *красота*? Потому что

стихотворение о динамике, о движении. Следовательно, надо задавать ритм, а не указывать оценочность через слово *красота*.

Страница двадцатая. В верхней части страницы написано: “Гласные звуки и буквы”. По середине страницы написано: ”Гласные буквы“: А, О, У, Э, Ы, И, Я, Ё, Ю, Е. Возникает вопрос: “А где гласные звуки?”. Возникает мысль, что авторы не различают звуки и буквы, полагая, что это одно и то же. Это во-первых. Во-вторых, существует примат звука. Оформление звука буквами произошло сравнительно недавно. Следовательно, объективно, от нашего желания это никак не зависит, надо начинать со звуков. А коль так, то представленный авторами перечень не корректен. Лингвистически это выглядит так: И, Ы, У, Э, О, А; Е, Ё, Ю, Я. А уж если быть лингвистически грамотным, то звук надо оформлять квадратными скобками: [и], [ы], [у] и т. д. Могут возразить: «Зачем? Ведь это первый класс». Но использовать большие значки (символами) — можно, хотя это лингвистически неправильно, а вот ввести скобки — страшно, непонятно, но так лингвистически принято, это научно. Нам могут возразить, что подача авторами данных звуков связана с их частотностью, отсюда, мол, и иерархия, однако объективность и научность никто не отменял.

Страница двадцать вторая. Вверху страницы написано: ”Согласные звуки и буквы“. В середине страницы дан перечень согласных букв М, Л, Н, Р, Т, К, С, а где остальные? И снова: а где ж согласные звуки? Ведь во всяком деле начинают от простого и идут к сложному, а не наоборот. По способу образования согласные делятся на смычные, щелевые (фрикативные), слитные (аффрикаты), дрожащие (вибранты). Следовательно, сначала смычно-взрывные: [б], [б’], [п], [п’], [д], [д’], [т], [т’], [г], [г’], [к], [к’], потому что их образование легко объяснить, и произнести их тоже несложно. А важно ещё и потому, что легко показать на рисунке или фотографии. Устройство речевого аппарата через рисунок вызовет интерес-интригу: оказывается всё очень просто: утрируя скажем, шлёпай губами — и вся премудрость.

Иное образование смычно-проходных согласных. Они дифференцируются по тому, как воздушная струя обходит смычку. Если воздушная струя проходит

через полость носа, то образуются носовые согласные [м], [м’], [н], [н’]: если воздушная струя обтекает смычку по бокам, то образуются смычно-проходные боковые [л], [л’]. Заметим, что всё это надо показывать на рисунке. Как нетрудно заметить, образование данных согласных звуков значительно усложнено. Естественно, и начинать надо не с них. К пониманию их образования надо готовить и психологически, и фонематически.

Обратимся к странице двадцать третьей.

Мама, мама, мама, мама —
Тихо перышком скриплю,
Посмотри скорее, мама,
Вот как я тебя люблю! (Г. Виеру).

Однако на странице 58 — не Г. Виеру, а В. Виеру. Что истинно? Да и само стихотворение убого по форме и содержанию.

На наш взгляд, "стихотворные азбуки" А. Шибаяева, Б. Заходера, Б. Степанова и др. включаться в букварь не должны: ассоциации, представления об окружающем мире указанных авторов и учеников — разные, порой они просто вульгарны, например: "А — начало алфавита, Тем она и знаменита./ А узнать её легко:/ Ноги ставит широко". Извините, но это вызывает «неудобные» ассоциации. Или: Удобная буква! (О букве У) "Удобно в ней то,/ Что можно на букву/ Повесить пальто". Право: смешали божий дар с яичницей! Или: На букве Н/ Я, как на лесенке,/ Сижу и распеваю/ Песенки ". Право, не ведают, что творят: как можно на букве сидеть?! Листая еще первые страницы букваря, мы уже задаемся вопросом: неужели с рождения все говорят стихами?

Мы считаем излишним — что значительно увеличивает объём букваря — подачу звонких/глухих отдельно от глухих/звонких. Можно дать эти сведения на одной странице, подчеркнув, что это одно и то же.

Страница сто третья. В верхней части — стихотворение С. Маршака "О чём эти стихи?" В середине напечатано "Язык", и от него идут стрелки к рисункам, на которых изображены язык человека, язык пламени и — в который раз! — надо полагать *русский* ученик читает книгу с надписью "*Английский*

язык". Небрежность это или установка: русские ученики, призванные изучать русский алфавит, с первых шагов ориентируются на английский язык, на Запад?

Далее — страница сто двадцать пятая, в самом низу: “Бублик, баранку, батон и буханку/ Пекарь из теста испёк спозаранку”. А что эти изделия пекут из чего-то другого? Во-первых. Во-вторых, значение этих слов в северо-западном регионе, а тем более по стране, может отличаться от значений, представленных на странице букваря.

Страница сто пятьдесят вторая. Азбука и алфавит. Объяснение, толкование данных слов можно принять. Далее сообщается: слово "азбука" появилась тысячу лет назад... Букварь издан в 1997 году. Надо полагать, что от этой даты (или примерно от неё) надо отбросить тысячу, получится, что азбука появилась в 997 г., т.е. примерно с принятием крещения на Руси, но существует мнение учёных, что кириллица (азбука) появилась примерно в 863 году нашей эры, если точнее, то в IV веке нашей эры.

Таким образом, если тщательно очистить книгу от лишнего, ненужного, то она станет компактнее, и как следствие, можно уменьшится и её размер.

Заключение

В заключение хотелось бы пожелать следующее:

1) чтобы изданием букварей занимались Министерство образования Российской Федерации совместно с Академией педагогических наук, и книга — в том числе и подарочные издания — выходила под грифом Министерства;

2) чтобы в создании букварей принимали участие ведущие филологи-лингвисты государства;

3) от рождения мы стихами не говорим, следовательно, стихов должно быть в букваре немного;

4) букварь — это не только руководство для формирования навыков чтения и не предмет, как мы в начале рассуждали, а научная книга, «врата учёности», по мнению М. В. Ломоносова, — научно, доступно и наглядно.

Литература

1. Горецкий, В. Г., Кирюшкин, В., Шанько, А. Ф. (1982) Букварь. М.:

Просвещение.

2. Эльконин, Д. Б. (1993) Букварь. М.: Просвещение.
3. Бетенькова, Н. М. , Горецкий, В. Г. (1997) Букварь. СПб.:

Специальная литература.

4. Репкин, В. В. (2001) Букварь. Ч.1. М.: АО «Московские учебники».
5. Виноградов, В. В. (1960) Грамматика русского языка. М., т. II.
6. Немировский, Е.Л. (1991) Путешествие к истокам русского книгопечатания. — М.: Просвещение.
7. Немировский, Е. Л. (1985) Иван Фёдоров. М.: Наука.
8. Лесной, С. (1995) Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону; Квадрат.